

М.А. Ефремова, А.А. Борзиков

УМЫШЛЕННОЕ БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ ИЛИ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу последних изменений в области законодательства о банкротстве физических лиц. Рассматривается возможность неправомерного использования правового механизма банкротства физического лица и причинения материального ущерба кредиторам должника с точки зрения соотношения злоупотребления гражданским правом и наличия признаков состава умышленного преступления

Ключевые слова: уголовное право, гражданское право, банкротство, банкротство физических лиц, злоупотребление правом.

M.A. Efremova, A.A. Borzikov

AN INTENTIONAL BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: A CIVIL LAW ABUSE OR CORPUS DELICTI

The work is dedicated to analysis of the last amendments in the private bankruptcy legislation. The author considers the possibility of abuse of the legal private bankruptcy mechanism and damaging to property of the debtor's creditor, in terms of the correlation between a civil law abuse and the presence of an intentional crime.

Key words: criminal law, civil law, bankruptcy, private bankruptcy, legal abuse.

Изменение структуры и усложнение гражданско-правовых отношений приводит к появлению принципиально новых правовых норм и юридических конструкций, в связи с этим одними из наиболее актуальных законодательных изменений, активно обсуждаемых в настоящий момент в юридической науке стали нормы, касающиеся появления нового правового института – банкротства физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями [2, С. 90–95, 15, с. 2]. Оставив на откуп исследователям-цивилистам анализ всех деталей процедуры банкротства физических лиц, отметим, что Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» внес существенные поправки в правовой институт банкротства, расширив сферу его применения возможностью признания по заявлению уполномоченных субъектов гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем и не осуществляющего предпринимательскую деятельность, банкротом. Как отмечают в науке, подобные нововведения закрепили на законодательном уровне хорошо известную в таких странах, как, например США [1, с. 283–285], концепцию «гражданской несостоятельности», в качестве основного критерия которой выступает неплатежеспособность должника-гражданина [8, с. 7–10].

Актуальность подобных законодательных изменений обусловлена рядом факторов, сложившихся в секторе потребительского кредитования: с одной

стороны, по справедливому заверению исследователей, указанные нормы позволят гражданам-должникам, пожертвовав частью имеющегося имущества, избавиться от существенно более крупных долгов, обусловленных нерациональным использованием потребительских кредитов, избежать «долговой ямы», образующейся в результате постоянного начисления процентов и штрафов за неуплату и несвоевременное погашение ранее выданных кредитов [13, с. 9–10]. С другой стороны, введение процедуры банкротства позволит кредитным и микрофинансовым организациям реализовать свои права в качестве кредитора по отношению к «безнадежным» должникам. По данным, приводимым специалистами, 34 млн россиян, т. е. 45 % экономически активного населения имеют невыплаченные потребительские кредиты. При этом общий объем кредитов, выданных физическим лицам превышает на сегодня 9 трлн. руб., а просроченная задолженность только за прошлый год выросла более чем на 40 % [8, с. 8–9].

Стоит также отметить, что в качестве основного критерия несостоятельности гражданина, выступает, как уже было сказано, неплатежеспособность должника, которая согласно ст. 213. 4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» выражается в следующем:

- сумма просроченной задолженности в общем объеме превышает 500 тыс. рублей;

- требования по уплате задолженности не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены [21].

Дополнительными критериями неплатежеспособности, которые должны быть выявлены судом при решении вопроса об обоснованности заявления о банкротстве, выступают следующие обстоятельства: гражданин перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил; более 10 % совокупного размера денежных обязательств и (или) обязательных платежей не исполнены в течение более чем одного месяца; размер задолженности превышает стоимость имущества; отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание.

При этом суду достаточно установить хотя бы одно из вышеперечисленных обстоятельств для признания заявления обоснованным, на чем акцентируют внимание исследователи [7, с. 79–80].

Правом на обращение в арбитражный суд обладают гражданин-должник, в отдельных случаях законом предусмотрена его обязанность обращения в суд с подобным заявлением, кредиторы, а также уполномоченный орган. Основными процедурами, применяемыми в деле о банкротстве гражданина, являются: реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, мировое соглашение. При этом, как отмечают исследователи, законом детально регламентированы указанные процедуры, а направленность норм свидетельствует в целом о реабилитирующем характере правовых норм [6, с. 538–541].

Проанализировав основные изменения в указанной области правового регулирования, детальнее обратимся к основной проблеме настоящей статьи,

а именно к возможности использования нового правового института в противоправных целях и о вопросах квалификации такого деяния.

О потенциальной возможности использования механизма банкротства недобросовестными должниками-гражданами, как способа «избавиться от долгов», неоднократно отмечалось в современной науке [5, с. 35–38]. В этой связи законодатель предусмотрел потенциальную общественную опасность подобных деяний, и ст. 3 Федерального закона от 29.12.2014 № 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» в ст. ст. 195, 196, и 197 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, были внесены изменения в части формулировки одного из субъектов преступления: слова «индивидуальным предпринимателем» заменены словами «гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем» [22]. Таким образом, в целях пресечения противоправных действий граждан в сфере банкротства законодатель расширил субъектный состав указанных экономических преступлений новым субъектом – гражданином, не являющимся индивидуальным предпринимателем. Не смотря на, несомненно, благую цель подобных изменений уголовного законодательства, подобные нововведения видятся нецелесообразными по следующим причинам.

Во-первых, традиционно субъектами такого преступления, как, например преднамеренное банкротство, под которым согласно ст. 196 УК РФ в последней редакции понимаются «совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб» [18], ранее выступали только руководитель юридического лица, учредитель (участник) юридического лица, а также индивидуальный предприниматель [10, с. 578–579]. Во многом это было обусловлено не только отсутствием специальных норм о банкротстве граждан, но и правовой природой экономических преступлений. Исследователи отмечают, что, как правило, субъектом преступных деяний в сфере экономической деятельности являются сами участники экономических отношений, т.е. лица, прямо включенные в систему хозяйствования и выполняющие в ней определенные функции [20, с. 259–260], это обусловлено специфическим видовым объектом преступного посягательства всех экономических преступлений – общественные отношения, складывающиеся в сфере хозяйствования между экономическими субъектами в рамках рыночной экономики. Основным критерием выделения субъекта преступлений в области банкротства выступает возможность влиять на организационные, хозяйственные отношения в деятельности юридического

лица, индивидуального предпринимателя, которые, применительно к преднамеренному банкротству искусственно спровоцируют появление признаков банкротства, чем и будет причинён вред другим субъектам экономической деятельности, в первую очередь кредиторам юридического лица, индивидуального предпринимателя. В соответствии с этим критерием участия в экономической деятельности субъекта банкротства ряд авторов даже предлагали отказаться от конструкции специального субъекта [16, с. 12–17].

Участие в предпринимательских отношениях предопределяет и специфику способов совершения указанного преступления – для осуществления преступного замысла, на практике это выражается, как правило, в создании новых юридических лиц и передаче в их уставный фонд основных средств предприятия-должника; фиктивной или неравноценной продаже имущества; выходе участников общества из состава учредителей с передачей им доли имущества организации; искусственном создании «ручной» кредиторской задолженности; получении займов или кредитов под необоснованно жесткие условия; заключении заведомо убыточных сделок, направленных в том числе на отчуждение имущества и т.п. [3, с. 102–107]. В связи с этим нам видится необходимым особо подчеркнуть, что граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, не являются, соответственно, и субъектами экономической деятельности. Исследователи-цивилисты справедливо отмечают, что фактическое отождествление статуса обычного гражданина и лица, имеющего статус индивидуального предпринимателя, представляется не совсем верным, критерий неплатежеспособности в большей степени применим в отношении индивидуальных предпринимателей, экономическая деятельность которых связана с авансированием их хозяйственных операций [8, с. 8–12]. Как уже говорилось, сам институт банкротства физического лица связывается не с экономической деятельностью, а с концепцией гражданской несостоятельности, заключающейся в обременении гражданина долгами, в результате неумения распоряжаться имуществом и отвечать по обязательствам из потребительских кредитов и займов, которые имеют не много общего с экономическими отношениями хозяйствующих субъектов. В этой связи включение в нормы уголовного закона о неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве нового субъекта – гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем и не осуществляющего предпринимательскую деятельность, вряд ли является обоснованным, так как противоречит правовой природе указанной группы экономических преступлений.

Во-вторых, санкции указанных статей УК РФ, несмотря на изменение диспозиции, никоим образом не были отредактированы и назвать их справедливыми и рациональными для граждан, не являющихся субъектами экономической деятельности, вряд ли представляется возможным. В качестве наказания в санкции ст. 196 УК РФ предусмотрены штраф в размере от 200 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до шести лет со штрафом в

размере до 200 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового [18]. Очевидно, что применение солидного штрафа в отношении гражданина-банкрота, не являющегося индивидуальным предпринимателем, вряд ли обосновано в связи с отсутствием активов и имущества для его уплаты, в случае неуплаты штрафа, назначенный в качестве основного наказания, согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ подлежит замене на другой вид наказания, за исключением лишения свободы, однако применение принудительных работ, отбываемых осужденными согласно ст. 60.1 УИК РФ в специальных учреждениях – исправительных центрах, [19], также невозможно – на настоящий момент в системе ФСИН указанных исправительных учреждений нет. Следовательно, наиболее рациональным наказанием за указанное преступление в отношении граждан остается только лишение свободы. Это свидетельствует о том, что санкция ст. 196 УК РФ, в частности, а также санкции других статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступные действия в рамках процедуры банкротства в целом, не были сбалансированы законодателем при изменении диспозиции статей, что вряд ли является обоснованным и не соответствует одному из базовых принципов уголовного права – принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [18].

В-третьих, одним из обязательных признаков преднамеренного банкротства является причинение крупного ущерба, который согласно примечанию к ст. 169 УК РФ составляет 1 500 000 рублей, что обусловлено материальной конструкцией объективной стороны состава указанного преступления. Исследователи по этому поводу отмечают, что определение крупного ущерба, который образуется как совокупный имущественный вред, причиненный кредиторам в деле о банкротстве и состоящий из общей суммы невыполненных денежных обязательств, неустойки, пеней и процентов, является основным критерием разграничения состава преступления от административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.12 КоАП РФ [23, с. 47–49]. Подобное материальное выражение общественно опасных последствий обусловлено спецификой предпринимательской деятельности и совокупными требованиями кредиторов, предъявляемых в рамках процедуры банкротства к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

Однако причинение крупного ущерба на сумму более 1 500 000 рублей кредиторам гражданином, не являющимся индивидуальным предпринимателем, видится весьма маловероятным, в силу того, что деятельность граждан, как правило, не сопряжена с использованием крупных финансовых активов. Согласно Национальному бюро кредитных историй (НБКИ) средний размер потребительского кредита в 2013–2014 гг. составил в среднем 170 тыс. рублей [17]. Согласно ст. 213.4 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» гражданин может подать заявление о

признании себя банкротом, в случае если общий размер просроченной задолженности составит более 500 тыс. рублей [21].

Смоделируем ситуацию, гражданин Н., не являющийся индивидуальным предпринимателем, в период с 2012 по 2014 г. заключил несколько договоров потребительского кредитования с кредитными организациями на общую сумму 400 тыс. рублей, им же были заключены договоры займа на сумму более 200 тыс. рублей с частными кредиторами. Указанные денежные средства им были безвозвратно использованы в личных целях. Для ухода от потенциальной гражданской ответственности гражданин Н., общая задолженность которого перед кредиторами составляет 600 тыс. рублей, подает заявление о признании себя банкротом, при этом денежными средствами и имуществом, на которое может быть обращено взыскание, он не располагает. Очевидно, что недобросовестным заемщиком в этом случае механизм банкротства физического лица будет использован в противоправных целях ухода от ответственности. Как в данном случае квалифицировать действия лица?

Даже при наличии признаков преднамеренного банкротства, которые будут состоять, например, в заключении невыгодных сделок по отчуждению имущества гражданина и дальнейшем использовании указанных средств на личные цели, отсутствие крупного ущерба кредиторам не позволит вменить лицу совершение преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. В данном случае гражданин будет отвечать по ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ за преднамеренное банкротство, не содержащее признаков уголовно наказуемого деяния, а максимальное наказание, которое ему грозит это административный штраф на сумму 3 тыс. рублей [11]. Подобное положение дел видится не совсем верным.

Если физическое лицо при получении кредита изначально не преследовало цели возвращения заемных денежных средств, предпринимало попытки по отчуждению принадлежащего имущества, не исполняло денежные обязательства для появления признаков банкротства в целях использования указанного правового механизма, налицо преступление, направленное против собственности конкретных кредиторов, а именно мошенничество. Как отмечают по этому поводу исследователи, использование механизма банкротства с целью хищения чужого имущества весьма распространено и часто становится предметом судебного разбирательства [9, с. 14]. В подобной ситуации кредит как имущество передается в собственность заемщику, но у кредитора в результате возникает имущественное право (дебиторская задолженность), т. е. происходит замещение активов, различных по степени ликвидности. Невозвращение кредита нарушает имущественное право на получение дебиторской задолженности, чем причиняется имущественный ущерб кредитору как собственнику соответствующего актива [12, с. 58–60].

По нашему мнению, в данном случае будет иметь место не экономическое преступление, а хищение чужого имущества путем обмана, который в данном конкретном случае будет касаться предоставления ложных сведений о принадлежащем лицу имуществе и доходах при заключении договора займа (потребительского кредита), о намерении вернуть указанные денежные средства в предусмотренный договором срок, о необходимости отсрочки платежа в связи

с «тяжелыми обстоятельствами» и т.п. При этом действия лица, направленные на создание искусственных признаков банкротства (отчуждение имущества, заключение заведомо невыгодных сделок, обременение себя дополнительными обязательствами), будут охватываться составом мошенничества. Одним из ключевых моментов для квалификации действий лица является направленность умысла на безвозвратное обращение в свою пользу денежных средств кредиторов, а также момент формирования преступного умысла. В этой связи стоит особо подчеркнуть, что согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" содеянное в данном случае следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него. О наличии умысла, направленного на хищение, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве стороны в сделке [14]. Исходя из специфики сферы преступных действий и конкуренции норм, деяние лица должно быть квалифицировано по ст. 159.1 УК РФ как мошенничество в сфере кредитования, т.е. хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений [24, с. 47–50]. В случае отсутствия признаков хищения действия лица, не вернувшего заемные денежные средства и причинившего имущественный ущерб кредиторам, как справедливо отмечают исследователи, надлежит квалифицировать по ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба [12, с. 59–62].

Если действия лица по невозврату денежных средств кредиторам и возбуждению процедуры банкротства будут обусловлены не умыслом на хищение денежных средств, а неосторожной формой вины, обусловленной нерациональным использованием денежных ресурсов, кризисными явлениями в экономике, потерей источника дохода в связи с увольнением, стихийными бедствиями или банальным отсутствием денежных средств и имущества для удовлетворения требований кредиторов, действия лица не должны образовывать состав преступления. В случае отсутствия преступного умысла использование механизма банкротства для уменьшения гражданской ответственности по имущественным обязательствам может быть расценено исключительно как злоупотребление гражданским правом, под которым в цивилистике традиционно понимается особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [4, с. 63]. В этом случае ответственность лица возможна в формах, предусмотренных гражданским и административным правом.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что принятие новых правовых норм, посвященных банкротству физических лиц, может

способствовать использованию указанного правового механизма в противоправных целях. Однако юридических оснований для включения в нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за преступления в области банкротства, граждан, не являющихся субъектами предпринимательской деятельности, на настоящий момент не имеется, что обусловлено специфической правовой природой составов экономических преступлений. Действия граждан, содержащие в себе признаки преднамеренного банкротства, могут в зависимости от формы вины, направленности умысла, характера и времени действий квалифицироваться как уголовно наказуемые посягательства на собственность, злоупотребление гражданским правом или административное правонарушение, т.е. уже урегулированы охранительными правовыми нормами, и во избежание возможных ошибок в правоприменительной практике нуждаются в дальнейшем теоретическом изучении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бадахова Л.Р. Некоторые аспекты банкротства граждан в США // Общество и право. 2010. № 4. С. 283–285.
2. Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90–126.
3. Власенко Р.Н. Правовые основы и методы выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 102–107.
4. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. 411 с.
5. Губин П.Е., Смирных А.Г. Банкротство граждан: установление баланса интересов должника и кредитора // Предпринимательское право. 2010. № 4. С. 35–38.
6. Евтушенко Е.В. Процессуально-правовые аспекты банкротства физических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 538–541.
7. Ерофеев А.А. Банкротство гражданина-должника как новелла российского законодательства // Современное право. 2015. № 4. С. 79–81.
8. Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 6. С. 7–22.
9. Колоколов Н. Кредиты получают мошенники, а сроки – козлы отпущения // ЭЖ-Юрист. 2013. № 14. С. 14.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; 13-е изд., пер., доп. М.: Юрайт, 2014. 1077 с.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

12. Ляскало А.Н. Разграничение незаконного получения кредита и иных составов преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 58–63.

13. Олевинский Э. С новым банкротством. Банкротство физических лиц в некоторых ситуациях – единственный законный способ избавиться от долгов // Юрист спешит на помощь. 2015. № 1. С. 9–10.

14. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

15. Рыков И. Мораторий на банкротство физлиц // ЭЖ-Юрист. 2015. № 15. С. 2.

16. Середа И.М., Бирюкова Е.А. Некоторые проблемы квалификации преднамеренного банкротства по субъекту преступления // Рос. следователь. 2012. № 14. С. 12–17.

17. Ссуды по кредитным картам стали лидерами роста. Российская газета. Экономика. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/14/zaimi-site.html>. (дата обращения 15.11.2015).

18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

19. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Там же. 1997. № 2. Ст. 198.

20. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / С.А. Балеев, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.

21. О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

22. О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника: Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Там же. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 29.

23. Финогенов А.В. О некоторых особенностях квалификации преднамеренных банкротств (ст. 196 УК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 47–52.

24. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 3. С. 47–52.